

DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-24-40

УДК 330.526(4)(470+571)(450)

JEL D31, D63, E24, H24

Распределение доходов и благосостояния в странах Европейского союза и России: сравнительный анализ

Э.Р. Ермакова^a, И.Е. Илякова^b^{a, b} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

✉ Автор для корреспонденции

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования являются особенности экономических отношений распределения и перераспределения доходов и богатства в Европе и России, рассматриваемые с позиции необходимости преодоления избыточного социально-экономического неравенства. **Цель** работы состоит в детерминации уровня сложившегося социально-экономического неравенства, проведении межстранового сопоставления дифференциации общества по доходам и богатству с последующим обоснованием возможностей применения передового опыта зарубежных стран по снижению уровня социально-экономического неравенства в России. Используются следующие **методы** познания: философские (диалектический, критический), общенаучные (методы научной абстракции, единства исторического и логического, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, классификации), частнонаучные (экономико-математические, статистические, функциональные). **Теоретическая значимость** исследования состоит в развитии теории и методологии концепции А.Я. Кируты и А.Ю. Шевякова об избыточном неравенстве. **Практическая значимость** заключается в предложенных авторами рекомендациях по снижению уровня избыточного неравенства в России. Показано, что страны ЕС, для которых характерно сглаженное распределение доходов, крайне неравномерны по распределению богатства. В российской экономике избыточен уровень неравенства и по доходам, и по благосостоянию. При этом происходит поляризация российского общества и концентрация доходов в руках верхнего перцентиля. О крайней степени неравномерности в распределении доходов среди россиян свидетельствуют коэффициент Джини, индекс Кейтца, соотношение медианной и минимальной заработной платы. Исследованы потери от существующего уровня неравенства в странах ЕС и России через изменения в индексах человеческого развития. Сделан **вывод**, что в основу социально-экономической политики, направленной на снижение уровня избыточного неравенства в России, должен быть положен принцип социального федерализма. Россия нуждается в комплексной стратегии борьбы с социальной стратификацией и в последовательной политике, направленной на формирование полноценного среднего класса. Авторы считают необходимым введение в России необлагаемого минимума для подоходного налога, прогрессивной шкалы налогов на дарение и наследование, а также введение нового налога — на богатство.

Ключевые слова: распределение доходов и богатства; концентрация доходов; социально-экономическое неравенство; индекс Джини; индекс человеческого развития с учетом неравенства; перераспределительная политика

Для цитирования: Ермакова Э.Р., Илякова И.Е. Распределение доходов и благосостояния в странах Европейского союза и России: сравнительный анализ. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(1):24-40. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-24-40

ORIGINAL PAPER

Income and Wealth Distribution in the European Union and Russia: Comparative Analysis

E.R. Ermakova^a, I.E. Ilyakova^b^{a, b} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

✉ Corresponding author

ABSTRACT

The subject of the study is the features of economic relations between income and wealth distribution/redistribution in Europe and Russia from the perspective of the need to overcome excessive socio-economic inequality. **The aim** of the article is to determine the level of existing socio-economic inequality, to make cross-country comparisons of income and wealth differentials in society, and then to substantiate the possibilities of applying the best practices of foreign countries to reduce socio-economic inequality in Russia. **The methods** of research are philosophical (dialectical, critical), general scientific

© Ермакова Э.Р., Илякова И.Е., 2022

(methods of scientific abstraction, the unity of the historical and logical, analysis and synthesis, induction and deduction, analogy, classification), private scientific (economic and mathematical, statistical, functional). **The theoretical significance** of the study lies in the development of the theory and methodology of A. Ya. Kiruta and A. Yu. Shevyakov on excessive inequality. The recommendations proposed by the authors to reduce excessive inequality in Russia represent **the practical significance**. The study shows that the EU countries, which are characterized by smooth income distribution, are extremely unequal in wealth distribution. The Russian economy has excessive levels of inequality in terms of both income and wealth. At the same time, there is a polarization of Russian society and a concentration of income in the hands of the upper percipient. The Gini coefficient, the Kaitz index, and the ratio of median and minimum wages demonstrate the extreme degree of inequality in income distribution among Russians. The research investigates the losses from existing levels of inequality in the EU countries and Russia through changes in human development indices. The authors **conclude** that socio-economic policy aimed at reducing excessive inequality in Russia should be based on the principle of social federalism. Russia needs a comprehensive strategy to combat social stratification and a consistent policy aimed at the formation of a full-fledged middle class. The authors consider it necessary to introduce in Russia a non-taxable minimum income tax, a progressive scale of gift and inheritance taxes, and the introduction of a new wealth tax.

Keywords: income and wealth distribution; income concentration; socio-economic inequality; Gini index; inequality-adjusted human development index; redistribution policy

For citation: Ermakova E.R., Ilyakova I.E. Income and wealth distribution in the European Union and Russia: Comparative analysis. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(1):24-40. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-24-40

ВВЕДЕНИЕ

Проблема социально-экономического неравенства на сегодняшний день является краеугольным камнем в вопросах обеспечения дальнейшего экономического роста. В мировой экономике начиная с 80-х гг. прошлого века, вопреки глубоким мировым и локальным кризисам, наблюдался глобальный экономический рост, обусловленный развитием научно-технического прогресса, рывком отдельных развивающихся стран, процессами глобализации и многими другими причинами. Однако, как справедливо отметил Президент РФ В.В. Путин на Всемирном экономическом форуме в Давосе 27 января 2021 г., «главный вопрос... — каков был характер такого глобального роста, кто получил от этого основную выгоду».

Наблюдаемые на фоне глобального экономического роста различия в социально-экономическом положении отдельных стран и слоев населения подчеркивают неравномерность и неоднородность такого развития. Особенно остро эти диспропорции проявились в нашей стране. Начиная с 1980-х гг. доля доходов, приходящихся на верхний дециль, в России возросла многократно. По темпам роста доли доходов 10% самых богатых за период 1980–2018 гг. Россия в 2–5 раз опережала темпы роста США, Китая, а также стран Северной и Западной Европы.

Оксфордский комитет помощи голодающим (Oxfam), ежегодно выпускающий доклады о неравенстве, приурочил к прошедшему в январе 2021 г. Всемирному экономическому форуму в Давосе доклад «The inequality Virus» («Вирус неравенства»)¹.

В докладе, основанном на экспертных мнениях 295 ведущих мировых экономистов (включая Дж. Сакса, Г. Цукмана) из 79 стран мира, констатируется, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 явилась причиной усиления неравенства в абсолютном большинстве стран мира. В отчете приводятся такие данные: доля бедного населения восстанавливается до предшествующего пандемии уровня в 14 раз медленнее, чем капитал богатейших людей на планете. При этом в докладе сделан акцент на гендерном и расовом неравенстве. К примеру, в Бразилии риск смертности от коронавирусной инфекции у афроамериканцев на 40% выше, чем у белого населения. В США численность умерших от коронавируса афроамериканцев на 22 тыс. человек больше, чем численность умерших среди белого населения.

Аналитики подчеркивают, что большая часть богатства в настоящее время сосредотачивается в руках мужчин. Об этом свидетельствуют опубликованные Oxfam отчеты в предшествующие годы: всего 26 человек в мире (в основном мужчины) владеют таким же благосостоянием, что и люди нижних 50% населения мира (около 3,9 млрд человек).

Положение людей нижнего доходного дециля сильно ухудшилось в связи с пандемией: показатели заболеваемости и смертности от COVID-19 среди бедного населения выше, чем аналогичные показатели среднего класса. Это касается даже развитых стран (Великобритании, Франции, Испании). Исследования Бранко Милановича подтверждают, что в обществах с постоянным средним доходом

¹ The Inequality Virus. Доклад Оксфордского комитета помощи голодающим Oxfam International. URL: <https://www.oxfam.org/en/research/inequality-virus> (дата обращения: 15.02.2021).

[oxfam.org/en/research/inequality-virus](https://www.oxfam.org/en/research/inequality-virus) (дата обращения: 15.02.2021).

эпидемии являются отрицательными силами неравенства (т.е. усиливают его) [1].

К сожалению, эмпирические данные свидетельствуют о том, что за последние 30–40 лет проблема социально-экономического неравенства оформилась в наиболее явную угрозу экономической и общественной безопасности не только для стран «третьего мира», но и индустриально развитых стран [2].

Свободное перемещение рабочей силы и политика «открытых дверей», проводимая до недавнего времени многими странами, привели к тому, что более половины (60%) крайне бедных людей расселены в странах со средним уровнем дохода и выше. Оплот социальной стабильности — Западная Европа — на сегодняшний день переживает социально-экономический кризис, который обостряет проблему «Север-Юг» (страны Северной Европы более благополучны и лишены сложностей, присущих Южной Европе — безработицы, крайней бедности, преступности, высокого государственного долга и проч.) и усиливает депривации отдельных слоев населения в доступе к базовым социальным услугам (в первую очередь это касается мигрантов, женщин и домохозяйств, подверженных риску бедности).

В США к 2016 г. неравенство достигло уровня времен гражданской войны 1861–1865 гг.; к 2020 г. ситуация не изменилась [3].

Аналитики информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг» констатируют, что уровень социально-экономического неравенства в России в 2018 г. достиг состояния, характерного для царской России 1905 г.,² и продолжает нарастать. Иными словами, при аналогичных диспропорциях в распределении доходов в российском обществе чуть более ста лет назад произошел социальный взрыв (сначала Первая русская революция, а затем Октябрьский переворот).

В настоящее время перед общественностью, правительством стран и научным сообществом стоит вопрос поиска путей устранения и нарастания избыточного неравенства. Как показывает опыт европейских стран, одного перераспределительного механизма недостаточно для разрешения многогранной и глубокой проблемы. Внутри современной модели развития (основанной на монопольном и олигопольном положении ведущих корпораций, лоббирующих собственные интересы в правительствах стран) заложены предпосылки к дальнейшей поляризации общества и угнетения интересов низших слоев на-

селения (доход от капитала накапливается быстрее, чем доход от труда). Специфика российской модели развития состоит в том, что такого рода корпорации сосредоточены в нефтегазовом секторе, что усиливает диспропорции и отраслевого, и регионального развития, при этом качество институтов управления экономикой ухудшается по мере удаления от центра.

Выдвигаемая рабочая научная гипотеза исходит из предположения, что грамотное сочетание активной социальной политики, принципа социального федерализма и перераспределительного механизма способно снизить уровень избыточного социально-экономического неравенства в стране. В связи с этим цель работы состоит в выявлении причин и уровня сложившегося социально-экономического неравенства, проведении межстранового сопоставления дифференциации общества по доходам и богатству с последующим обоснованием возможностей применения передового опыта зарубежных стран по снижению уровня социально-экономического неравенства в России.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Первые попытки осмысления причин социального неравенства в обществе были предприняты еще в Средние века в контексте религиозного мировоззрения, а о неравенстве в социальном и экономическом аспектах впервые в западной литературе наиболее предметно упоминается в трудах Ж.-Ж. Руссо. Причину социального неравенства мыслитель видел в частной собственности [4], а в книге «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми» он предложил классификацию социального неравенства на естественное (или физическое) и условное (т.е. политическое) [5].

Отечественный мыслитель и философ И. Т. Посошков обозначил проблему неравенства в вышедшей в 1724 г. «Книге о скудности и богатстве», основная мысль которой сводится к необходимости экономического равенства среди населения императорской России [6].

Зародившаяся в XVIII в. школа утопического социализма, вступившая в идеологическую борьбу с представителями классической политической экономии, настаивала на необходимости социальной защиты бедного населения³.

Марксистская теория поднимает вопросы социального и классового равенства, что находит отражение в работах К. Маркса [7] и Ф. Энгельса [8], ученые формулируют теорию борьбы классов. Идеи марксистов

² Эксперты признали неравенство в России сопоставимым с 1905 годом: РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/12/2017/5a33e2fc9a79471b6d846e24> (дата обращения: 15.02.2021).

³ Туттов Л.А., ред. Философия и методология науки. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М; 2019. 386 с.

относительно классового неравенства и лежащих в его основе производственных отношений развил в своих трудах американский ученый Э.О. Райт [9].

Принципиально новый взгляд на природу социально-экономического неравенства предложил американский ученый С. Кузнец в 1954 г., когда выступил с докладом на собрании Американской экономической ассоциации [10]. Ученый сформулировал так называемый «фундаментальный закон Кузнеца», который графически интерпретируется в виде Π -образной кривой (inverted U-shaped curve) [11], отражающей зависимость между уровнем социально-экономического неравенства и экономического развития страны. По мнению классика, как только страна достигает определенно высокого уровня развития, возрастающий тренд степени социально-экономического неравенства разворачивается в противоположную сторону и начинает иметь тенденцию к понижению. Иными словами, для того, чтобы неравенство в обществе начало сокращаться, необходимо достичь значительной степени экономического развития.

Начиная с этого момента, было предпринято множество попыток установить корреляцию между неравенством, ростом, демографией, уровнем развития страны и ее стабильности [12].

Существенный вклад в развитие теории и методологии социально-экономического неравенства внес французский экономист Т. Пикетти, опровергающий в своем исследовании гипотезу С. Кузнеца.

Т. Пикетти пришел к выводу, что современный капитализм представляет собой экономику рантье [13]. При этом ученый отмечает, что ряд стран (к примеру, Франция) осуществили переход от общества суперрантье (когда собственник имущества получает от него ежегодную ренту, достаточную для того, чтобы на нее жить; этому обществу свойственна чрезмерно высокая степень неравенства в доходах от собственности и доходах от труда) к менее крайней форме общества рантье (в силу того, что доходы топ-менеджеров превзошли доходы рантье по причине падения последних).

Т. Пикетти стоит у истоков исследовательской лаборатории World Inequality Lab, функционирующей на базе Парижской школы экономики в Институте Беркли. Под руководством именитого экономиста работают Ф. Альваредо⁴, Г. Цукман [14], Э. Саез [15], специализирующиеся на изучении распределения доходов и богатства во всем мире, внутри стран и между ними.

⁴ World inequality report — 2018. Coordinated by F. Alvaredo, L. Chancel, T. Piketty, E. Saez, G. Zukman. World inequality lab. 2018. 300 p.

В своей новой книге «Капитал и идеология» Т. Пикетти сосредотачивается на институциональных и идеологических причинах укоренения неравенства в мире, утверждая, что всякое общество оправдывает свое неравенство — так возникают разнообразные экономические и социальные правила, призванные укрепить сложившийся порядок вещей, подкрепляя этот вывод следующим примером: советские вожди просто заменили один тип неравенства (доход от капитала) другим — доступом к ценным товарам [16].

Фундаментальные и прикладные исследования неравенства в XX столетии зафиксированы в работах Дж. Сакса [17], П. Кругмана [18], Дж. Стиглица [19, 20]. В работах последнего поднимается «проблема одного процента» и объективности измерителей уровня социально-экономического неравенства.

Среди отечественных ученых, сосредоточивших внимание на проблеме неравенства, можно отметить А.Я. Кируту, А.Ю. Шевякова, которые ввели в научный оборот категории нормального (справедливого) и избыточного (обостряющего противоречия) неравенства [21].

Проблема социально-экономического неравенства на сегодняшний день заботит многих исследователей, приводятся различные экспертные оценки состояния неравенства в обществе, декларируется необходимость устранения избыточного неравенства. Но ученые спорят о способах и инструментах достижения нормального неравенства: одни видят выход в усилении роли перераспределительного механизма и введении налога на богатых (Т. Пикетти и его соратники), другие (Дж. Стиглиц) — в смене политического курса страны (применительно к США), российские ученые — в усилении роли социальной политики и пенсионной реформе [22].

Академик С.Ю. Глазьев усматривает причину вопиющего уровня неравенства в стране в архаичности технологического уклада российской экономики и связывает снижение уровня неравенства с технологической модернизацией экономики и институциональными преобразованиями [23].

В числе последствий несправедливого и неравномерного распределения доходов могут быть ухудшение качества экономического роста и человеческого капитала, увеличение деприваций отдельных слоев населения к базовым товарам и услугам, ухудшение инвестиционного климата, социальная и политическая нестабильность [24].

В связи с вышесказанным изучение опыта зарубежных стран, достигших и поддерживающих уровень социально-экономического неравенства в нормаль-

ных пределах (6–8 раз по коэффициенту фондов⁵), является перспективным направлением исследования, так как отдельные инструменты экономической политики (прогрессивное налогообложение доходов и имущества, активная социальная политика, социальный контракт, социальный федерализм) могут быть впоследствии адаптированы и встроены в модель развития России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования является система взглядов авторов, опирающаяся на принципы методологического плюрализма и системного подхода к исследованию уровня неравенства в различных странах и изучению инструментов по его снижению. По мнению авторов, универсального метода для анализа экономической действительности, которой присущ избыточный уровень неравенства в обществе, не существует ввиду сложности самого феномена неравенства, его причин и последствий.

В работе использовались следующие методы познания: философские (диалектический, критический), общенаучные (методы научной абстракции, единство исторического и логического, анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии, классификации), частнонаучные (экономико-математические, статистические, функциональные).

Основой разграничения неравенства на нормальное (позитивный фактор, мотивирующий к росту производительности труда) и избыточное (препятствует развитию системы) стал методологический подход, используемый Центральным экономико-математическим институтом Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) [25]. В связи с этим в работе использованы как традиционные методы представления имущественного и доходного неравенства (коэффициенты Джини, фондов, децильный и квинтильный коэффициенты, кривая Лоренца), так и разложение индекса Джини общего неравенства [26] на индекс Джини нормального и избыточного неравенства.

Разложения индекса Джини строятся с помощью формулы

$$G = 2 \operatorname{cov} F(X, F(X)) / m = (2/m) \int (x - m)(F(x) - F)dF(x), \quad (1)$$

⁵ Приведенное пороговое значение коэффициента фондов обосновано в исследованиях А. Я. Кирута, А. Ю. Шевякова. Согласно их работам нормальным (стимулирующим к производительной трудовой деятельности) является социально-экономическое неравенство, коэффициент фондов при котором не превышает 6–8 раз, а индекс Джини — не более 0,4. Если происходит превышение указанного порога, неравенство из естественного конкурентного рыночного условия трансформируется в угрозу социально-экономического развития (становится избыточным).

где G — коэффициент Джини общего неравенства; $\operatorname{cov} F(X, F(X))$ — ковариация между уровнем дохода X и долей $F(X)$ населения с доходом не выше, чем X ; m — средний доход по всей рассматриваемой совокупности.

При заданной границе бедности z в переменной X могут быть выделены компоненты, соответствующие доходам не ниже и не выше, чем z (уровень бедности):

$$G = (2/m) \operatorname{cov} F(X - (z), F(X)) + (2/m) \operatorname{cov} F(X + (z), F(X)). \quad (2)$$

Нормальное неравенство определяется формулами:

$$GN = 2 \operatorname{cov} F(X + (z), F(X)) / m+, \quad (3)$$

$$m+ = m + \Delta m, \Delta m = h(z - mP), \quad (4)$$

где GN — коэффициент Джини нормального неравенства; Δm — прирост среднего дохода, возникающий в результате повышения всех доходов ниже границы бедности до этой границы; h — доля населения с доходом ниже границы бедности; mP — средний доход в этой группе населения.

Избыточное неравенство есть превышение общего над нормальным:

$$GE = G - GN = (2/m) \operatorname{cov} F(X - (z), F(X)) + (\Delta m/m) GN. \quad (5)$$

Методика расчета данного индекса традиционно применяется для отражения измерения степени (не) равномерности распределения доходов среди всего населения [27]. В данной работе будет проведен анализ равномерности распределения не только доходов, но и благосостояния, как это предлагает Swiss Credit Bank, для полноты сведений о степени неравенства в обществе.

Информационной базой для исследования послужили официальные статистические данные Госкомстата, Евростата, Всемирного банка, ОЭСР, Global wealth databooks (Swiss Credit Bank), Euromonitor International, Oxfam, World Inequality Lab.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционным является представление уровня социально-экономического неравенства в коэффициентах Джини и фондов. Данные коэффициенты не лишены недостатков с точки зрения формирования всесторонней картины неравенства, но в наиболее общем виде объективно отражают существующую действительность.

На *рис. 1* в столбцах представлена информация относительно значений коэффициентов Джини по доходам и благосостоянию в странах Европейского союза (ЕС) и России. Графики на упомянутом рисунке отражают удельный вес доходов по децильным группам населения в этих странах.

Сравнительная характеристика России и стран ЕС по коэффициенту Джини показывает, что неравенство в российском обществе существенно выше, чем в Евросоюзе. Российский коэффициент Джини по располагаемым доходам максимально близок к значениям Болгарии: 41,1% и 40,8% соответственно. Другие страны ЕС имеют значение данного коэффициента в пределах нормы. Научно обосновано, что границы нормального распределения доходов соответствуют уровню коэффициента Джини $GN = 0,4$ (40%). В отдельных случаях (например, для сопоставления стран внутри Европейского пространства) в качестве GN может быть принято значение 0,3 (30%). В данной работе мы будем исходить из того, что порог между нормальным и избыточным неравенством соответствует значению коэффициента Джини $GN = 0,4$ (40%).

Максимальное неравенство по располагаемым доходам наблюдается в ЕС в странах бывшего социалистического лагеря (Латвия 35,2%, Литва 35,4%, Румыния 34,8%, Эстония 30,5%) и в странах Южной Европы (Италия 3,4%), Испания (33%), Кипр (31,3%), Португалия (31,9%). В этих же странах доля доходов нижнего дециля минимальна и не превышает 3% от национального. Наиболее равномерно распределены доходы в Ирландии и Скандинавских странах (индекс Джини не превышает 29%), доля доходов нижнего дециля в этих странах близка к 4% от национального.

Единственной страной, в которой по исследуемым показателям неравенства ситуация хуже, чем в России, является Болгария: доля доходов нижнего дециля составляет 1,9%, верхнего — 31,9% (в России 2,9 и 29,9% соответственно).

Т. Пикетти относит Европу к странам с умеренным неравенством, а Скандинавские страны — к странам со слабым неравенством. Вопреки этому отметим, что в странах ЕС с низким уровнем неравенства по доходам фиксируются высокие значения коэффициента Джини по благосостоянию и наоборот. Так, например, в Дании при коэффициенте Джини по доходам, равному 27,5%, аналогичный коэффициент, рассчитанный по благосостоянию, составляет 83,8%, для Швеции — это 27,6 и 87,6%, для Нидерландов — 26,8 и 90,2%.

Закономерность подтверждают все страны ЕС — при низком неравенстве по доходам отмечается довольно высокое неравенство в благосостоянии. В российской экономике высок как уровень неравенства

по доходам (индекс Джини $G = 41,1\%$, $GE = 1,1\%$), так и по благосостоянию (индекс Джини 87,9%).

Коэффициент Джини по благосостоянию наиболее ярко характеризует степень неравномерности распределения ресурсов в обществе. График, представленный на *рис. 1*, демонстрирует, что европейское общество, более сглаженное по доходам, чем российское, в отношении распределения богатства изобилует диспропорциями: коэффициент Джини по благосостоянию в ЕС заведомо высок и имеет тенденцию к повышению: за период 2010–2019 гг. он увеличился с 79,9 до 82,4% (*рис. 2*).

На фоне нарастания имущественного неравенства в ЕС и России происходит рост и медианного благосостояния, при этом отрыв в уровне медианного благосостояния взрослого россиянина и европейца очень велик и достигает 8–10 раз (*рис. 3*).

Наглядное сравнение распределения доходов в России и Европе (на примере Бельгии) представим с помощью кривой Лоренца (*рис. 4*).

Бельгия выбрана неслучайно в качестве базы сравнения — это обосновывается тем, что в данной стране ЕС показатели неравенства и по доходам, и по благосостоянию одни из самых низких в сообществе. Коэффициент Джини по располагаемым доходам в Бельгии в 2019 г. составил 25,1%, по благосостоянию — 60,3%. Другие страны Евросоюза, как уже было отмечено ранее, при низких значениях неравенства по доходам имеют высокое имущественное неравенство.

Для Бельгии также характерно невысокое распределение доходов в пользу верхнего дециля (21,9% против 29,9% в России). Как показывает *рис. 3*, степень отклонения российской кривой Лоренца от линии условного равенства заметно сильнее, нежели распределение доходов в Бельгии. При этом минимальная заработная плата в Бельгии составляет 1626 евро в 2019 г. (в РФ 156 евро), т.е. разрыв в минимальном размере оплаты труда в Бельгии и России составляет 10 раз. Со средней заработной платой в Бельгии минимальная заработная плата соотносится в пропорции 1:2. В России средняя заработная плата в 2019 г. составила 42 595 руб., а минимальная 11 280 руб. (т.е. средняя заработная плата в 4 раза превышает минимальную, что свидетельствует о неадекватно низком значении законодательно установленного минимума). Индекс Кейтца⁶ (отношение МРОТ к медианному трудовому доходу) в Бельгии составляет 73%, а в России — всего 22,4%.

⁶ Youth Unemployment and Minimum Wages. U.S. DEPARTMENT OF LABOR. Bureau of Labor Statistics. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office; 1970. No. 1657. 190 p.

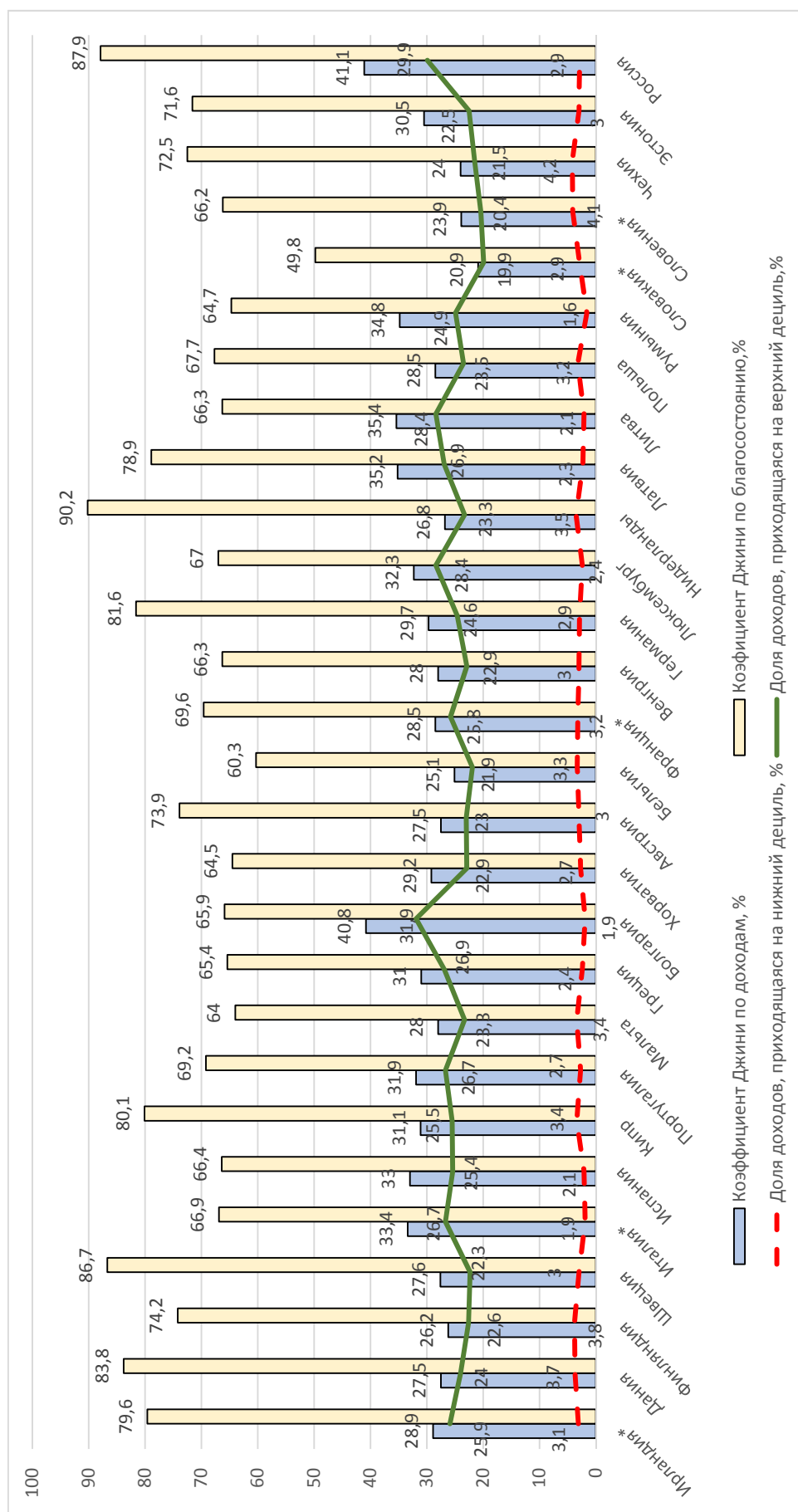

Рис. 1 / Fig. 1. **Неравенство в странах ЕС и РФ (2019 г.) / Inequality indicators in the EU countries and Russia (2019)**

Источник / Source: World Bank, SwissBank (Global wealth databook 2019). URL: https://www.interest.co.nz/sites/default/files/embedded_images/global-wealth-databook-2019.pdf (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

Примечание / Note: * – данные приведены по состоянию на 2018 г. / The figures are as of 2018.

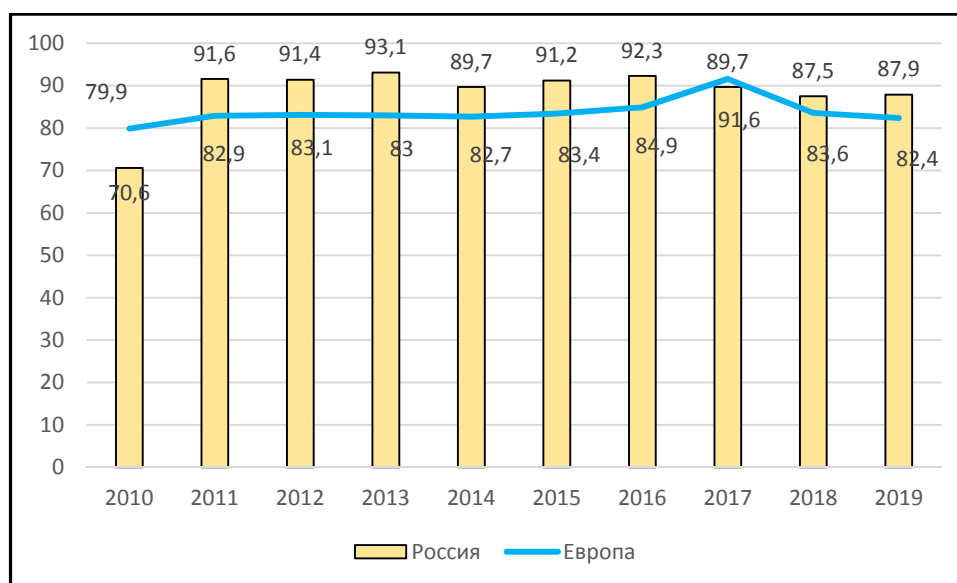

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика коэффициентов Джини по благосостоянию в ЕС и России, % / Dynamic of the Gini index by wealth in the EU and Russia, %

Источник / Source: SwissBank (Global wealth databook 2019). URL: https://www.interest.co.nz/sites/default/files/embedded_images/global-wealth-databook-2019.pdf (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

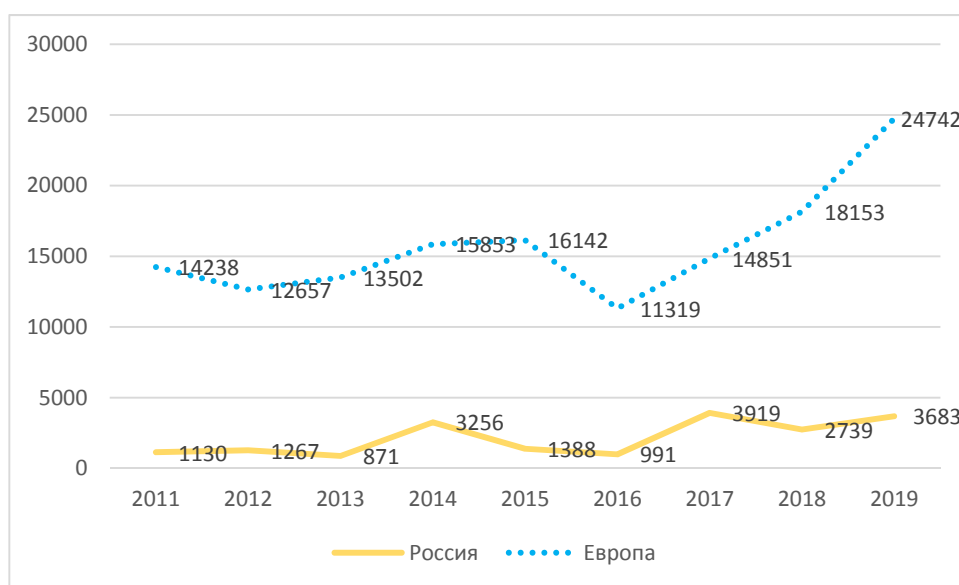

Рис. 3 / Fig. 3. Медианное благосостояние взрослого человека, долл. США / Median wealth per adult, USD

Источник / Source: SwissBank. URL: https://www.interest.co.nz/sites/default/files/embedded_images/global-wealth-databook-2019.pdf (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

Благодаря исследованиям французского экономиста Т. Пикетти и американского нобелевского лауреата Дж. Стиглица, стало популярным измерять уровень неравенства в обществе с помощью показателя «доля верхнего (богатейшего) 1% в совокупных доходах населения» (табл. 1).

Стоит отметить, что методологии оценки распределения доходов в исследованиях, возглавляемых Т. Пикетти, и отчетах Всемирного банка существенно отличаются. Поэтому, согласно World inequality

lab, доля доходов, приходящихся на верхний дециль в России, составляет 46%, а по оценке World Bank 46% владеет верхний квинтиль российского общества.

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что, начиная с перестроечного периода, среднегодовой темп роста доходов нижних 50% населения сокращался на 0,8% ежегодно, в то время как верхних 10% — увеличивался на 3,8% в год. Обратим внимание на то, что по мере сужения доли богатейших граждан увеличивается среднегодовой темп роста их доходов:

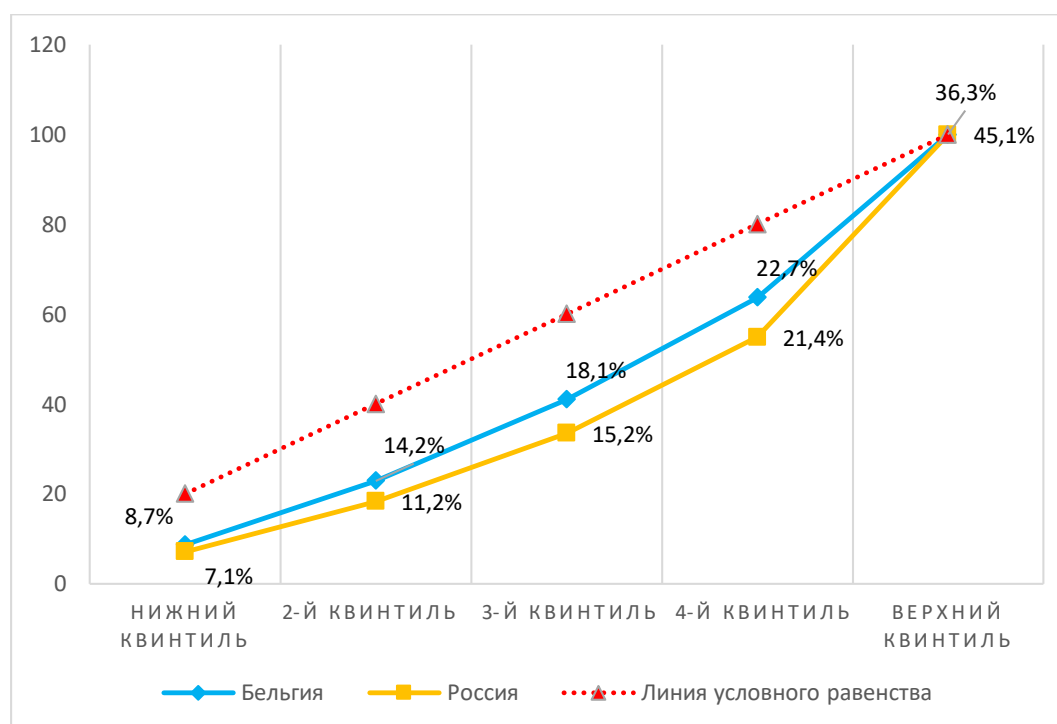

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение доходов в России и Бельгии: кривые Лоренца (2019 г.) / Distribution of income in Russia and Belgium: Lorentz curves (2019)

Источник / Source: составлено авторами по данным Всемирного Банка / compiled by the authors according to the World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

топ-1% населения наращивали свои доходы в среднем на 6,4% в год, топ-0,1% — на 9,5%, топ-0,01% — на 12,2%, топ-0,001% — на 14,9%. Таким образом, можно говорить о необходимости перехода оценки уровня неравенства по децильным коэффициентам к перцентильным (распределение по однопроцентным группам населения).

При этом для динамики распределения доходов в России характерно следующее. Тренды изменения доли топ-10% и нижних 50% зеркальны: с 1990 по 1996 г. происходит резкий всплеск доли национального дохода, приходящегося на топ-10% (с 23,58 до 48,32%), в то же время доля национального дохода, приходящегося на нижние 50% сокращается с 29,47 до 9,60%. После этого наблюдается незначительное сглаживание и к 2015 г. на топ-10% приходится 45,52% национального дохода России, а на нижние 50% — 16,99%. Наибольшую озабоченность вызывает устойчивое снижение доли дохода, приходящегося на средние 40% с 46,95 до 37,49% за двадцатипятилетний период (рис. 5).

О крайней степени неравномерности в распределении доходов среди россиян свидетельствует колоссальный прирост благосостояния долларовых миллионеров — он составил более 2000% за прошедшие 19 лет (рис. 6). В Европе максимальный прирост благосостояния долларовых миллионеров за тот же период зафиксирован в Испании — 450%.

Таким образом, можно констатировать, что уровень социально-экономического неравенства в российском обществе существенно выше, чем в странах Европейского союза, однако потери от неравенства несут даже те страны, в которых оно находится в допустимых пределах (рис. 7).

Потери России в индексе человеческого развития от неравенства составляют 10,2% в 2019 г., это меньше, чем в странах Южной Европы (проблема «Север-Юг» накладывает свой отпечаток на европейские страны), но намного выше, чем во многих странах бывшего социалистического мира (Чехия 4,4%, Словения 4,6%, Словакия 6,2%, Польша 7,6%). Такие потери в человеческом капитале могут отрицательно сказаться и на количественных, и на качественных показателях экономического роста.

Считается, что страны Евросоюза достигли успеха в реализации политики сглаживания социально-экономического неравенства и одним из ее инструментов является налоговая политика. В отличие от России, в большинстве стран Евросоюза применяется многоступенчатая прогрессивная шкала налогообложения доходов частных лиц и довольно сложная система налогообложения активов, которые увеличивают благосостояние человека посредством наследования, дарения, передачи имущества (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Среднегодовой рост доходов в российском государстве по группам населения / Annual income growth by population groups in Russia

Доходная группа / Income group	Среднегодовой рост доходов / Average annual income growth			
	1905–2016	1905–1956	1956–1989	1989–2016
Все население	1,9%	1,9%	2,5%	1,3%
Нижние 50%	1,9%	2,6%	3,2%	–0,8%
Средние 40%	2,0%	2,5%	2,3%	0,5%
Топ-10%	1,9%	0,8%	2,3%	3,8%
Топ-1%	2,0%	–0,3%	2,5%	6,4%
Топ-0,1%	2,3%	–1,2%	2,7%	9,5%
Топ-0,01%	2,5%	–2,1%	3,0%	12,2%
Топ-0,001%	2,7%	–3,0%	3,3%	14,9%

Источник / Source: World Inequality Lab. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

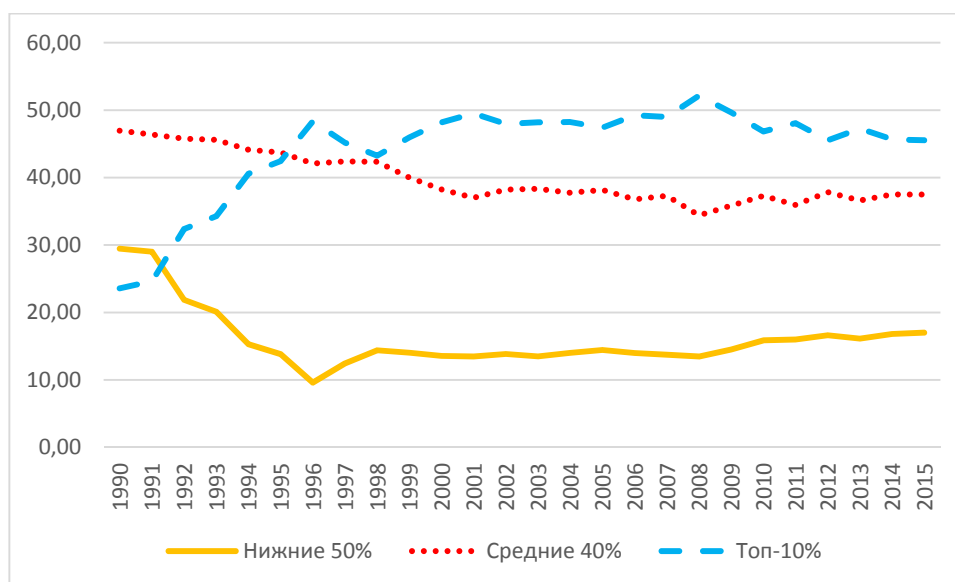

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение национального дохода между группами населения в России / National income distribution by population groups in Russia

Источник / Source: World Inequality Lab. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

Таблица 2 демонстрирует, что многие страны применяют высокие ставки налогов на передачу имущества, наследование, дарение и владение (исключение составляет Кипр как мировая офшорная зона, и страны Восточной Европы). Такая политика направлена на сдерживание формирования общества рантье, способных получать пассивный доход и сосредотачивающих в своих руках весомую долю национального богатства. В большинстве стран, в которых отсутствуют налоги на дарение, наследование, продажу недвижимости

и имущества, в налоговом законодательстве содержатся отдельные положения, регулирующие этот процесс и определяющие величину фискального изъятия. В отдельных странах (например, Франции) применяется налог на роскошь. Такого рода практика может служить эффективным инструментом сдерживания роста неравенства по благосостоянию. Фискальным инструментом выравнивания доходов в европейском обществе служит многоступенчатая прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц,

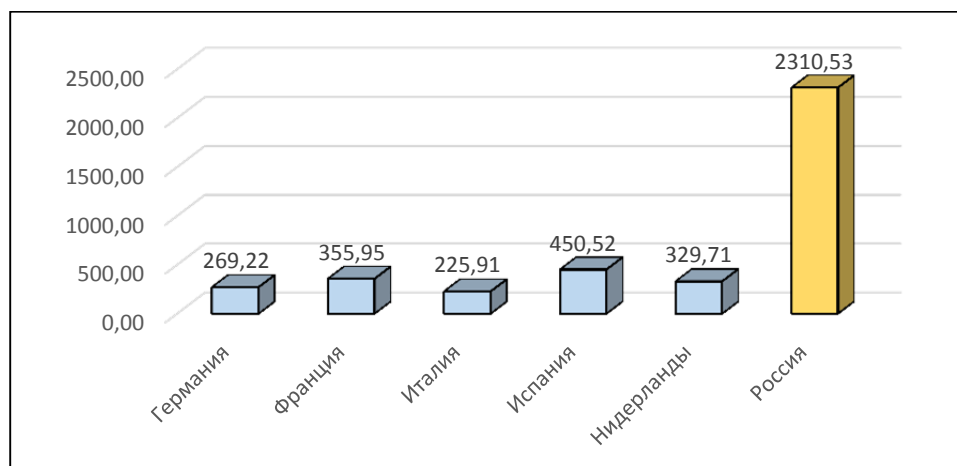

Рис. 6 / Fig. 6. Прирост благосостояния долларовых миллионеров в отдельных странах Европы и России за 2000–2019 гг., % / Wealth growth among millionaires in selected countries 2000–2019, %

Источник / Source: SwissBank (Global wealth databook 2019). URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

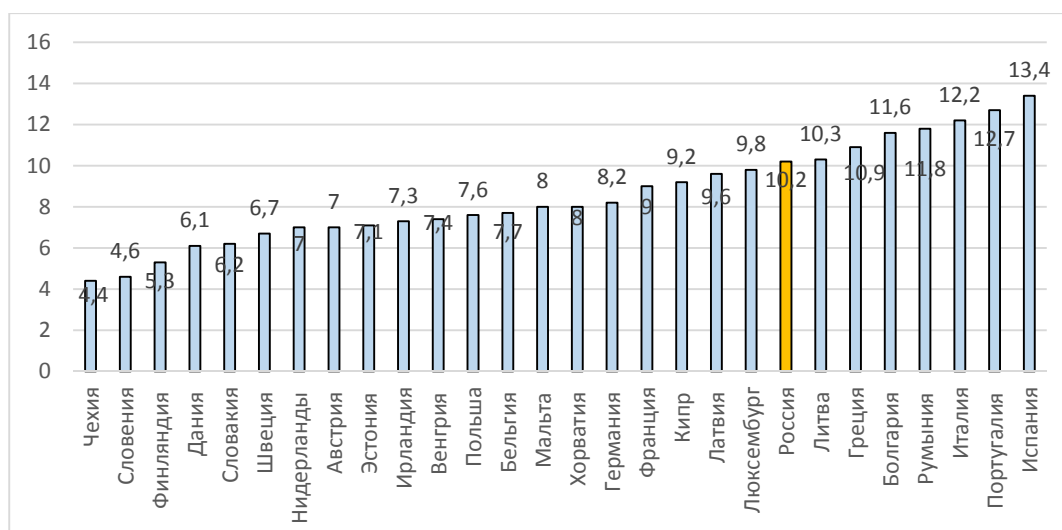

Рис. 7 / Fig. 7. Потери стран от неравенства в 2019 г., %* / Country losses from inequality in 2019, %*

Источник / Source: составлено авторами на основе Human Development Report 2020 / compiled by the authors based on Human Development Report 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2020> (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

Примечание / Note: * — рассчитаны как процентная разница в индексе человеческого развития, скорректированного на неравенство, и индекса человеческого развития / calculated as a percentage difference in the inequality-adjusted human development index and the human development index.

которая применяется в 21 стране ЕС (кроме Эстонии, Чехии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Литвы). Часто происходит изъятие более половины сверхдоходов у граждан Евросоюза (например, в Швеции, Дании, Словении, Финляндии, Австрии, Бельгии) (рис. 8), которые перераспределяются через бюджетную систему в пользу наименее обеспеченных слоев населения. Прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц (НДФЛ) существовала в России до 2000 г., затем была отменена ввиду своей неэффективности.

Начиная с 1 января 2020 г. Россия отказалась от «плоской» шкалы НДФЛ, вернув прогрессивный механизм, что является первым шагом на пути к большему изъятию доходов сверхбогатых граждан в пользу бюджетной системы. В отличие от западноевропейских стран, прогрессия НДФЛ в России целевая — доходы бюджета от возросшей ставки налога будут перераспределяться в пользу отдельных категорий граждан (детей с редкими и тяжелыми заболеваниями), что позволит расширить их доступ к медицинским услугам

Таблица 2 / Table 2

Сглаживание неравенства в распределении богатства в странах ЕС посредством фискального механизма* / Smoothing inequality in the distribution of wealth in the EU countries through the fiscal mechanism*

Страна / Country	Ставки налогов, % / Tax rates, %			
	Налог на наследство / Inheritance tax	Налог на дарение / Gift tax	Налог на недвижимость / Real estate tax	Налог на передачу недвижимости / Property transfer tax
1	2	3	4	5
Бельгия	27–95	20–80	1,25–2,5	10–12,5
Болгария	1–4	0,01–0,7	0,15	3–3,3
Чехия	0,5–40	7–40	0,5–40	4–15
Дания	до 36	–	от 1 до 3	–
Германия	7–50	–	от 0,35	3,5–6,5
Эстония	–	–	0,1–2,5	20
Ирландия	до 33%	до 33%	0,18–0,25	–
Греция	0–40	0–40	0,1–1	3,09–24
Испания	7,6–34	7,6–34	0,4–1,1	7–10
Франция	5–40	до 60	0,7–1,5	+
Хорватия	5	5	+	25
Италия	4–8	4–8	0,76–10,6	4–8
Кипр	–	–	–	–
Латвия	–	–	0,2–1,5	–
Литва	5–10	–	1	–
Люксембург	+	+	до 7,5	6
Венгрия	+	+	3,6	2–4
Мальта	–	–	–	12
Нидерланды	10–40	10–40	0,3	2
Австрия	0	0	–	2–3,5
Польша	0–12	0–12	+	2–23
Португалия	0	0	0,2–0,8	0–8
Румыния	–	–	0,1	–
Словения	5–39	5–39	0,05–0,5	–
Словакия	–	–	+	–
Финляндия	до 32	до 32	0,41–6	+
Швеция	–	–	0,75	+

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – знак «–» в таблице означает отсутствие в стране определенного вида налога, «+» – наличие налога, но сложный механизм определения суммы налогового платежа, исчисляемый, как правило, не в процентах от налогооблагаемой базы / the “–” sign in the table means the absence of a certain type of tax in the country, “+” – the presence of a tax, but a complex mechanism for determining the amount of tax payment, calculated, as a rule, not as a percentage of the tax base.

и улучшить качество жизни. Это, несомненно, является важным шагом на пути к снижению различий в доступе к базовым услугам между стратами общества.

В качестве аргумента целесообразности адаптации опыта перераспределительной политики стран ЕС

по снижению уровня экономического неравенства (ввиду его результативности) приведем сравнительную таблицу коэффициентов Джини по первичным и располагаемым доходам для отдельных стран ЕС (табл. 3).

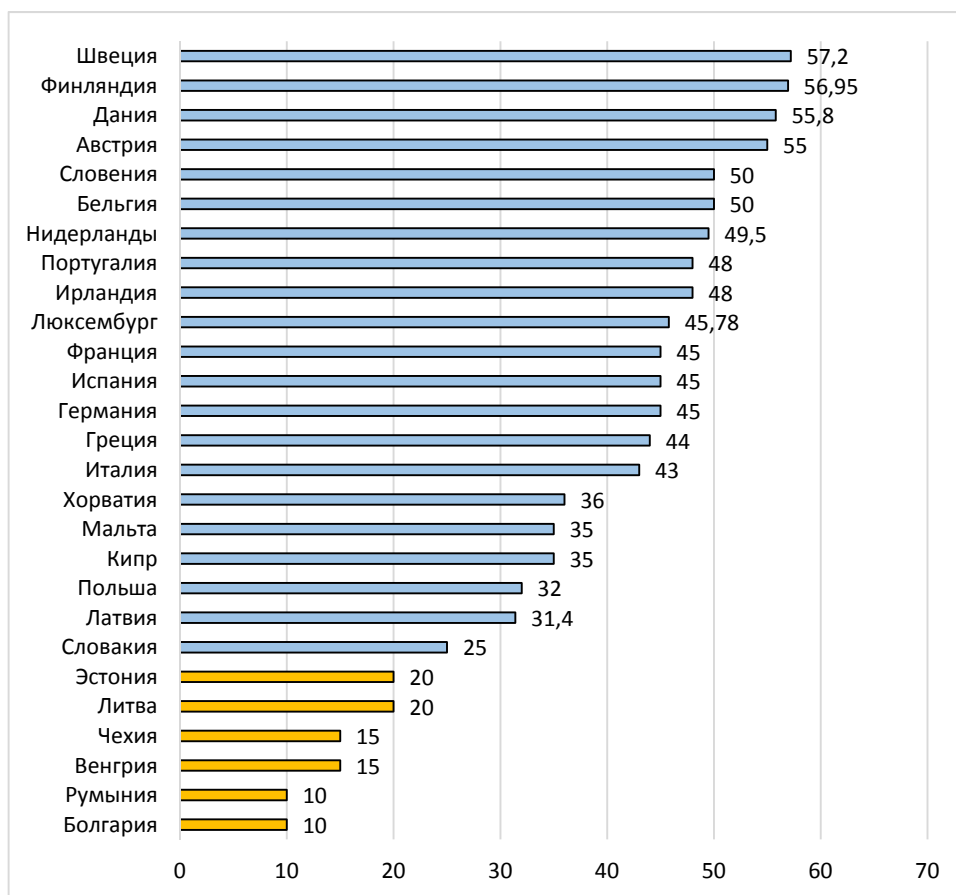

Рис. 8 / Fig. 8. Максимальные ставки подоходного налога в странах ЕС, %* / Maximum income tax rates in the EU countries, %*

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: * – желтым цветом выделены страны, применяющие «плоскую» шкалу подоходного налога / countries applying a “flat” income tax scale are highlighted in yellow.

Таким образом, мы видим, что уровень концентрации доходов в странах Европы существенно снижается после уплаты налогов и получения трансфертов. К примеру, в Финляндии коэффициент Джини по располагаемым доходам на 48% ниже, чем по первичным, в Ирландии — на 46%, в Бельгии и Венгрии — на 45%, в Люксембурге — на 41%, во Франции — на 40%. В России коэффициент Джини после уплаты налогов и получения трансфертов сокращается лишь на 14%.

ВЫВОДЫ

Проблема социально-экономического неравенства является краеугольным камнем развития современных экономик мира. Диспропорции в уровне и качестве жизни, распределении доходов и богатства отрицательно сказываются на социальном и человеческом капитале, препятствуя национальному сплочению и демотивируя трудовую активность. В современном капиталистическом мире проблема приобрела глобальный размах и обратила на себя внимание не только научного сообщества, но

и международных институтов, национальных лидеров, общественности.

В России избыточное неравенство наблюдается по всем параметрам: и по рыночным, и по располагаемым доходам, и по богатству. Примечательно, что распределение богатства — более чем в 2 раза неравномерно по сравнению с распределением располагаемых доходов. По мере сужения прослойки богатейших граждан наблюдается все большее нарастание концентрации их доходов и благосостояния и аномально высокий среднегодовой темп роста доходов. Осуществляемая в государстве экономическая политика (перераспределительная и социальная) не сильно способствует снижению уровня избыточного неравенства, уменьшая его на 17%.

Общепринято считать, что наиболее успешно с поляризацией общества по доходам справляются страны ЕС (особенно скандинавские, североευропейские и западноевропейские), однако, как показал проведенный анализ, эти страны не лишены ряда сложностей. Этот вывод подтверждается приведенными

потерями от неравенства в распределении доходов, услуг сферы образования и здравоохранения в индексе человеческого развития. На фоне нормального уровня неравенства по располагаемым доходам во всех странах ЕС наблюдается избыточное неравенство по благосостоянию, инклюзивности удается достичь не всем домохозяйствам. Тем не менее фискальная политика европейских стран, активно применяющих прогрессивную шкалу налогообложения не только доходов, но и богатства, позволяет перераспределять через бюджетную систему более 60% ВВП и обеспечивает выравнивание полярных страт в обществе.

В предыдущих исследованиях мы рассчитали, что при введении пятиступенчатой (от 0 до 33%) прогрессивной шкалы для налога на доходы физических лиц в России начисленный годовой НДФЛ мог бы увеличиться в 1,85 раза. При этом доля дохода, приходящаяся на нижний квинтиль, могла бы увеличиться на 1,32%, а доля дохода, приходящегося на верхний квинтиль, — сократилась бы на 4,11% [28].

Российское общество на сегодняшний день не готово принять многоступенчатую прогрессию в отношении наследования, дарения, передачи имущества. Даже вторая ступень ставки НДФЛ (15%) обоснована целевым использованием будущих доходов бюджета. При условии, что налоги на дарение, наследство, передачу имущества будут введены, верхний дециль, формирующий элиту, по-прежнему располагает возможностью применения «теневых» схем увода сделок с имуществом, чтобы они не попали под налогообложение.

Поэтому на сегодняшний день более существенным и однозначно воспринимаемым всеми слоями общества шагом на пути к сглаживанию неравенства по доходам должно стать введение необлагаемого минимума по подоходному налогу (для членов семей, чей доход ниже прожиточного минимума).

Для российского государства остро стоит проблема не просто увеличения доли изъятия сверхдоходов в пользу бюджета и общества, но и подтягивание уровня доходов и жизни нижнего дециля, формирование полноценного среднего класса. В этом отношении интересен опыт ЕС по созданию и использованию структурных фондов, реализации флагманской инициативы по борьбе с бедностью и эксклюзией 2010–2020 гг., которая по существу своему представляет собой комплексную стратегию полного преодоления бедности в сообществе.

В поисках путей преодоления неравенства по доходам не стоит забывать о нарастании имущественного неравенства и неравенства по богатству. Только фискального механизма недостаточно, чтобы предотвратить укоренение правил общества рантье

Таблица 3 / Table 3

Концентрация первичных и располагаемых доходов (2018) / Concentration of primary and disposable income (2018)

	Коэффициент Джини по доходам до налогообложения и трансфертов / Gini coefficient for income before taxes and transfers	Коэффициент Джини по располагаемым доходам / Gini coefficient for disposable income
Франция	0,505	0,302
Австрия	0,494	0,279
Бельгия	0,492	0,268
Чехия	0,462	0,262
Дания	0,442	0,254
Эстония	0,512	0,361
Финляндия	0,495	0,257
Германия	0,479	0,292
Греция	0,566	0,343
Венгрия	0,508	0,278
Исландия	0,386	0,244
Ирландия	0,574	0,309
Италия	0,514	0,325
Люксембург	0,48	0,281
Нидерланды	0,417	0,283
Польша	0,464	0,3
Словакия	0,428	0,269
Словения	0,452	0,252
Испания	0,513	0,341
Швеция	0,443	0,281
Швейцария	0,421	0,293
Россия	0,48	0,413

Источник / Source: ОЭСР / OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/post-taxes-and-transfers-disposable-income-gini-coefficients_7f704580-en (дата обращения: 17.01.2022) / (accessed on 17.01.2022).

в современном мире. Вызов настолько масштабен, что наиболее эффективной реакцией на него должна стать системная модернизация, основанная на принципе социального федерализма. Последний исходит из представления о справедливом обществе — таком, где доступ к самому широкому спектру благ предоставлен всем членам общества, а неравенство доходов объяснимо лишь разными жизненными устремлениями; ключевая цель такого социального порядка — распределение не доходов, но возможностей.

Современная налоговая система России требует изменений, она должна отвечать вызовам современности и служить эффективным инструментом в сни-

жении бремени неравенства. Налоги на наследство и доходы должны быть дополнены прогрессивным налогом на богатство, который может служить для справедливого обращения капитала: им сложнее манипулировать, чем подоходным налогом, особенно очень богатым людям, чей налогооблагаемый доход часто составляет небольшую часть их богатства, в то время как фактический доход преумножает состояние. В перспективе прогрессивные налоги на крупные состояния могли бы стать источником финансирования всеобщего фонда капиталовложений для молодого поколения на разные социальные нужды (к примеру, образование) [29].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Milanovic B. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2016. 299 p.
2. Кормишкин Е.Д., Кормишкина Л.А., Колосков Д.А. и др. Феномен социально-экономического неравенства: взгляд в контексте неоиндустриальной парадигмы современного развития. Саранск: РИЦ МПТУ; 2020. 202 с.
3. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2020. 430 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. Пер. с франц. М.: Юрайт; 2020. 146 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Разсуждения о начале и основании неравенства между людьми. Пер. с франц. М.: Унив. тип. Н. Новикова; 1782. 308 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003338086#?page=1> (дата обращения: 02.02.2021).
6. Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. М.: Академия наук СССР; 1951. 413 с.
7. Маркс К. Капитал. Пер. с нем. М.: Госполитиздат; 1955. 2230 с.
8. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Пер. с нем. М.: Госполитиздат; 1960. 80 с.
9. Wright E. O. Classes. London: Verso, 1985. 330 p. URL: <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/selected-published-writings.htm#classes> (дата обращения: 02.02.2021).
10. Kuznets S. Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*. 1955;45(1):1–28. URL: <https://assets.aeaweb.org/asset-server/files/9438.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
11. Kuznets S. Modern economic growth: Finding and reflections. *The American Economic Review*. 1973;63(3):247–258. URL: <http://www.piketty.pse.ens.fr/files/Kuznets1973.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
12. Ермакова Э.Р. Социально-экономическое неравенство как следствие несовершенства процессов перераспределения. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018;14(7):1235–1250. DOI: 10.24891/ni.14.7.1235
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. Пер. с франц. М.: Ад Маргинем; 2015. 592 с.
14. Zukman G. The hidden wealth of nations: The scourge of tax havens. Chicago, London: The University of Chicago Press; 2015. 200 p.
15. Saez E., Zukman G. Wealth inequality in the United States since 1913: Evidence from capitalized income tax data. *The Quarterly Journal of Economics*. 2016;131(2):519–578. DOI: 10.1093/qje/qjw004
16. Piketty T. Capital and ideology. Cambridge, MA, London: The Belknap Press of Harvard University Press; 2020. 1104 p.
17. Сакс Дж.Д. Конец бедности: экономические возможности нашего времени. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2011. 424 с.
18. Krugman P. Why we are in a new gilded age? *The New York Times*. May 08, 2014.
19. Стиглиц Дж.Ю. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Пер. с англ. М.: Эксмо; 2015. 512 с.
20. Стиглиц Дж.Ю., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2016. 216 с.

21. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М.: Лето; 2002. 316 с.
22. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: Дело; 2020. 512 с.
23. Глазьев С.Ю. Экономика и общество. М.: Проспект; 2021. 192 с.
24. A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*. 1996;40(6):1203–1228. DOI: 10.1016/0014–2921(95)00030–5
25. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН; 2011. 223 с.
26. Джини К. Средние величины. Пер. с итал. М.: Статистика, 1970. 447 с.
27. Салмина А. Сравнительный анализ показателей неравенства — их особенности и применение. *Общество и экономика*. 2019;(7):35–58. DOI: 10.31857/S 020736760005832–4
28. Ермакова Э.Р. Прогрессивное налогообложение как необходимое условие функционирования национальных систем распределения доходов. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019;15(9):1604–1616. DOI: 10.24891/ni.15.9.1604
29. Илякова И.Е., Лизина О.М., Саушева О.С. Ювентальный потенциал как социальный ресурс экономического развития в условиях смены технологического уклада. *Регионоведение*. 2020;28(4):638–665. DOI: 10.15507/2413–1407.113.028.202004.638–665

REFERENCES

1. Milanovic B. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2016. 299 p.
2. Kormishkin E.D., Kormishkina L.A., Koloskov D.A. The phenomenon of socio-economic inequality: A view in the context of the neo-industrial paradigm of modern development. Saransk: Mordovia State Pedagogical University; 2020. 202 p. (In Russ.).
3. Stiglitz J.E. People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent. New York: W.W. Norton & Co., Inc.; 2019. 366 p. (Russ. ed.: Stiglitz J. Lyudi, vlast' i pribyl': Progressivnyi kapitalizm v epokhu massovogo nedovol'stva. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 430 p.).
4. Rousseau J.J. Du contrat social; ou, Principes du droit politique. Amsterdam: Chez Marc-Michel Rey; 1762. 342 p. (Russ. ed.: Rousseau J.J. Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava. Moscow: Urait; 2020. 146 p.).
5. Rousseau J.J. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Amsterdam: Chez Marc-Michel Rey; 1755. 288 p. (Russ. ed. Rousseau J.J. Razsuzhdeniya o nachale i osnovanii neravenstva mezhdru lyud'mi. Moscow: N. Novikov Univ. Print.; 1782. 308 p. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003338086#?page=1> (accessed on 02.02.2021).
6. Pososhkov I.T. The book of poverty and wealth and other writings. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1951. 413 p. (In Russ.).
7. Marx K. The capital. Transl. from German. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 2230 p. (In Russ.).
8. Engels F. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. Hottingen, Zürich: Druck der Schweizerischen Genossenschaftsdruckerei; 1882. 88 p. (Russ. ed.: Engels F. Razvitie sotsializma ot utopii k nauke. Moscow: Gospolitizdat; 1960. 80 p.).
9. Wright E.O. Classes. London: Verso, 1985. 330 p. URL: <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/selected-published-writings.htm#classes> (дата обращения: 02.02.2021).
10. Kuznets S. Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*. 1955;45(1):1–28. URL: <https://assets.aeaweb.org/asset-server/files/9438.pdf> (accessed on 02.02.2021).
11. Kuznets S. Modern economic growth: Finding and reflections. *The American Economic Review*. 1973;63(3):247–258. URL: <http://www.piketty.pse.ens.fr/files/Kuznets1973.pdf> (accessed on 02.02.2021).
12. Ermakova E.R. Socio-economic disparities as a result of imperfect redistribution processes. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2018;14(7):1235–1250. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.14.7.1235
13. Piketty Th. Le capital au XXIe siecle. Paris: Éditions du Seuil; 2013. 976 p. (Russ. ed.: Piketty Th. Kapital v XXI veke. Moscow: Ad Marginem; 2015. 592 p.).
14. Zukman G. The hidden wealth of nations: The scourge of tax havens. Chicago, London: The University of Chicago Press; 2015. 200 p.
15. Saez E., Zukman G. Wealth inequality in the United States since 1913: Evidence from capitalized income tax data. *The Quarterly Journal of Economics*. 2016;131(2):519–578. DOI: 10.1093/qje/qjw004
16. Piketty T. Capital and ideology / Cambridge, Massachusetts: Harvard university press, 2020. 1067 p.

17. Sachs J.D. The end of poverty: Economic possibilities for our time. New York: Penguin Books; 2006. 448 p. (Russ. ed.: Sachs J.D. Konets bednosti: Ekonomicheskie vozmozhnosti nashego vremeni. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2011. 424 p.).
18. Krugman P. Why we are in a new gilded age? The New York Times. May 08, 2014.
19. Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York, London: W.W. Norton & Co. Publ.; 2012. 560 p. (Russ. ed.: Stiglitz J.E. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. Moscow: Eksmo; 2015. 512 p.).
20. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Mis-measuring our lives: Why GDP doesn't add up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. New York, London: The New Press; 2010. 176 p. (Russ. ed.: Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2016. 216 p.).
21. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Measuring economic inequality. Moscow: Leto; 2002. 316 p. (In Russ.).
22. Agangebyan A.G. On social policy priorities. Moscow: Delo; 2020. 512 p. (In Russ.).
23. Glaz'ev S. Yu. Economy and society. Moscow: Prospekt; 2021. 192 p. (In Russ.).
24. Alesina A., Perotti R. Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review*. 1996;40(6):1203–1228. DOI: 10.1016/0014-2921(95)00030-5
25. Kostyleva L. V. Population inequality in Russia: Trends, factors, regulation. Vologda: RAS Institute for Socio-Economic Development of Territories; 2011. 223 p. (In Russ.).
26. Gini C. Le medie. Torino: UTET; 1958. 512 p. (Russ. ed.: Gini C. Srednie velichiny. Moscow: Statistika; 1970. 447 p.).
27. Salmina A. Comparative analysis of inequality indicators: Characteristics and application. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy*. 2019;(7):35–58. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 020736760005832-4
28. Ermakova E. R. Progressive tax as a requirement for the sustainability of the national systems of income distribution. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2019;15(9):1604–1616. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.15.9.1604
29. Ilyakova I. E., Lizina O. M., Sausheva O. S. Juvenile potential as a social resource for economic development in a changing technological order. *Regionologiya = Regionology: Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(4):638–665. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.113.028.202004.638-665

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Эка Ревазиевна Ермакова — кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

Eka R. Ermakova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Economics and Economic Security, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8464-9605>
 eka-tsulaya@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Илякова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия

Irina E. Ilyakova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Economics and Economic Security, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-9975-642X>
 sygirina1@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 29.03.2021; после рецензирования 13.04.2021; принята к публикации 17.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 29.03.2021; revised on 13.04.2021 and accepted for publication on 17.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.